

Борис Левандовский

Что-то в дожде

Борис Левандовский

Что-то в дожде

«Автор»

Левандовский Б.

Что-то в дожде / Б. Левандовский — «Автор»,

© Левандовский Б.

© Автор

Борис Левандовский

Что-то в дожде

Мне тогда было семь лет – в октябре 1980-го года. Восьмидесятый запомнился мне в основном двумя событиями: всемирной Олимпиадой, проходившей летом в Москве, и я отправился в школу. Ну и еще той историей, которую хочу вам рассказать.

Октябрь во Львове знаете какой? Почти британский, только, наверное, еще хуже. Этот город словно обладает способностью притягивать к себе всю сырость на Земле. Кое-кто утверждает, причина в том, что он расположен на дне материковой впадины, и это вызывает сей климатический эффект. Но кто хоть раз бывал во Львове в дождливый сезон, знают – причина совсем иная. В этом не так уж и трудно убедиться, – достаточно вдохнуть здешний воздух, наполненный ароматом палой листвы, и поднять голову, чтобы всмотреться в небо. И ответ придет сам собой, – этот город длинного ноября принадлежит Осени. Она живет в нем. Ну, наверно, вы понимаете, что я хочу сказать.

Для меня 80-й был частью еще того волшебного времени, когда тебе семь лет, и ты только начинаешь по-настоящему узнавать мир, в который тебя пригласили родители, но еще полон всяческих иллюзий. Смешных и наивных, как выяснится очень скоро, – большая часть этих иллюзий уже через два-три года будут утрачены навсегда. Но пока они еще достаточно сильны, чтобы верить в чудеса, ожидать их и надеяться. Надеяться и иногда действительно встречаться с ними. А может, это и означает – видеть мир таким, какой он есть, или хотя бы ту его сторону, которая предназначена для нас? Лично я верю, что это так. И еще верю, что, переставая быть детьми, мы не становимся лучше.

Год 80-й, как и семь лет в моей жизни, стал отправной точкой какой-то странной, причудливой эпохи, когда мир неуловимо и быстро начал меняться, уносясь в туманное будущее еще не ведомыми истории и потому не предсказуемыми вселенскими путями, но, как и всякая нейтральная территория, принадлежал только себе. Он прощался с семидесятыми, еще незримо витавшими над землей и властвовавшими в умах, и, тоскуя по выходящим из моды клешам, призывал новые веяния, год смерти Высоцкого и взлета славы «Трех мушкетеров», год, когда улицы звучали бобинными альбомами «Смоки» и «Отелем «Калифорния» – этим великим и, наверное, единственным хитом «Иглз», год мартовских заморозков в «холодной войне» и последнего, отчаянного крика увядающих «детей цветов», на смену которым вскоре ворвется грохочущее тяжелым металлом поколение панков и рокеров, чтобы так же уйти в свое время, уступив место прилизанным «пепси-боям» 90-х, ну и конечно, незабвенные итальянцы, конечно же, и они.

Осень... Я был бы не я, если бы не разболелся в самом начале учебного года тяжелой ангиной. Еще и полгода не прошло, как я лежал в больнице, и двух недель после очередной домашней пилюльной диеты. Ох и намучилась же мама со мной! По совету лечащего врача, ставшего почти членом нашей семьи, меня было решено отправить в санаторий с проводимой на месте школьной программой. В то место, откуда меня едва не увел в серую пелену неизвестности Человек дождя.

Санаторий находился под Львовом всего в нескольких километрах от городской черты в местечке, называемом Брюховичи. Я уже не помню точно, кто именно привез меня на автобусе в санаторий «Спутник» в первый раз – мой старший брат Дима или мама, – но мне почему-то кажется, что это был все-таки брат. Хотя я, возможно, и ошибаюсь. Во всяком случае, Дима чаще всего приезжал навестить меня или забрать домой на выходные, а потом отвозил обратно. Видите ли, наша мама была знакома с директрисой этого лечебного учреждения – ее племянница, наша двоюродная сестра, училась вместе с дочерью директрисы, – поэтому, справиться с моим оформлением мог бы и Дима. Моя история болезни прибыла впереди меня из районной

поликлиники днем раньше, как гонец, доставляющий весть о скором пополнении. Уже тогда это был настоящий фолиант.

У нас с братом десять лет разницы. Из-за своих частых болезней я никогда не ходил в детский сад, и мы много времени проводили вместе, когда Дима возвращался из школы. Он брал меня в компанию своих друзей, и я чертовски гордился, что вожусь с такими взрослыми парнями, сижу с ними на одной скамейке, слушаю их разговоры, а иногда даже вставляю свои «пять копеек». Ну и, конечно, я был в курсе многих его секретов – девчонки и все такое. Он сам, наверное, уже давно все позабыл, а я вот до сих пор кое-что помню: похоже, не даром тогда говорили, что у меня уши-локаторы, имея в виду вовсе не их размер. Но болтуном я не слыл, и Дима это знал лучше, чем кто-либо другой, поэтому никогда особо не стеснялся моим присутствием, как и его друзья. Ну, может, *почти* никогда.

Мы смотрели одни фильмы, поскольку он часто брал меня с собой в кино, слушали одну музыку на бобинном магнитофоне «Романтик-3» с переписанными через десятки руки по милости великой удачи альбомами «Пинк Флойд» и «Куин», «Дип Пепл» и «Эй-си Ди-си», «Роллинг Стоунз» и «Смоки», и даже, кажется, ранними «Джудас Прист»; чем увлекался он, увлекался и я, что любил он, нравилось и мне. Честно говоря, и теперь нравится. Особенно по части музыкальных вкусов, сложившихся под его влиянием, и некоторые картежные игры.

Когда я перестал ползать и встал на свои две, то он, должно быть, не слишком-то обрадовался, открыв, что теперь вынужден повсюду таскать с собой младшего брата. Учитывая нашу разницу в возрасте, его не трудно понять. Я надолго стал его «хвостом», превратив нас в этакую неразлучную парочку: один высокий и смуглый, с пышной копной черных курчавых волос, другой – ему почти по пояс, светлый и анемичный, вечно готовый в миг свалиться с малярийной температурой, «бледнолицый брат», – это понятно, о ком. Но время скоро доказало, что не редко только мое нытье способно обеспечить ему пропускной билет на улицу, к друзьям – домоводство было для кого угодно, только не для моего брата. Мне достаточно было завести пластинку с главным хитом тех лет «Ну, ма-а!...», и мама через минуту капитулировала. Еще бы, кто мог такое долго выдержать? Хотя наша мама, конечно, догадывалась, кто в действительности стоял за этими тошнильными «Ну, ма-а!...». Меня-то и теперь из дому палкой не выгонишь.

В этот год я получил букварь и «Рабочие прописи» (впрочем, я уже года два как умел читать и писать), а Дима, мечтая о карьере военного, окончил среднюю школу, – ту самую, 65-ю, которая вскоре принялась и за меня. Однако Дима не добрал половины балла для поступления в Симферопольское училище и вернулся домой, чтобы повторить попытку следующим летом, как оказалось, удачно – и выпал из моей жизни на многие годы. А пока он тянул лямку ученика на заводе «Автопогрузчик», куда его устроил наш дядя, родной брат отца, занимавший должность главного механика; он, кажется, там и по сей день работает.

Восьмидесятый был связан для моей семьи еще с одним, не слишком приятным, событием, – наши с Димой родители летом официально развелись. Отец полюбил бутылку задолго до моего рождения, и эта пьянящая дама в неизменной кокетливой шляпке, всегда готовая ее сбросить и отдаться по первому зову, с каждым годом все больше привязывала отца к себе, крадя его любовь у нас. В восьмидесятом маминому терпению настал конец; оно просто лопнуло как старый гнойник. К тому времени, по ее настоянию, отец уже около года не жил с нами под одной крышей. Я виделся с ним после развода лишь однажды, случайно; произошло это в 83-м, очень далеко от Львова.

После того как Дима поступил в военное училище, взрослый мужчина в нашей маленькой семье появился только через пять лет, когда мама снова вышла замуж, за моего отчима – настоящего сварщика, от которого я заразился дурной привычкой сквернословить по любому поводу.

Итак, мы вышли из автобуса на конечной остановке и минут десять шли пешком. В наши дни это место уже находится по внутреннюю сторону городской черты, рядом с основным действующим кладбищем, на котором в 94-м опустился в яму гроб с невесомым от долгой болезни телом моей бабушки по маме, – но тогда, в 80-м, бабушка была еще хоть куда.

Мы подошли к открытым воротам и ступили на территорию «Спутника», – не уверен, но мне кажется, прямо на этом месте теперь построена Католическая академия, соседствующая через узкую дорожку с вефилем Свидетелей Иеговы. Но до конца 80-х каждое лето здесь действовал пионерский лагерь, о чем свидетельствовали многочисленные дорожки и площадки с белой разметкой на асфальте, аллеи с посеребрившими от времени гипсовыми скульптурами, застывшими по обеим сторонам в неестественных сюрреалистических позах (на фоне желто-оранжевых деревьев, начавших терять листву, они выглядели зловеще, словно только *пытались* притвориться неживыми, отчего походили на людей-манекенов из романов В. Крапивина, которыми я зачитывался, став подростком), стендами, символикой и прочей совдепо-скаутской дребеденью. Осенью же и весной «Спутник» превращался в санаторий для астматиков и всех, кому шел на пользу здешний воздух.

Мы прибыли незадолго до обеда. День выдался особенно характерным для той поры года, пасмурным и промозглым. Над землей почти неподвижно зависла дымка дождевой мряки. Что соответственно отразилось на моем и без того унылом настроении. Хотя я в то время и скитался по больницам не меньше, чем коммивояжер по дешевым мотелям на, как тогда говорили, «загнивающем Западе», все же начальный этап разлуки с домом для меня всякий раз оставался неизменно трудным. Мне хотелось оказаться в своей комнате, которую мы делили с Димой, среди любимых игрушек и книг с яркими картинками... но в одночасье с какой-то безысходной горечью я понимал, что это невозможно. И, вот-вот готовый пустить слезу, утешался тем, что на выходные смогу возвращаться домой, что эти три недели когда-нибудь закончатся (хотя они и казались почти вечностью, к счастью, почти), еще чем-то.

Помню только как мы (с Димой или с мамой) вошли в небольшое двухэтажное здание, служившее сразу и приемным покоем, и канцелярией, где меня оформили, – и свою историю болезни на столе. Предмет моей неизъяснимой детской гордости – даже не столько из-за солидной толщины, сколько благодаря четырем разноцветным полоскам, наклеенным на корешок «карточки» и сообщавшим, что я состою на учете у такого-то врача. Каждый раз, приходя в поликлинику и ожидая, пока отыщется том с моим именем, я приподымался на цыпочки и ревниво следил за мельтешением корешков, расставленных на полках вращающейся тумбы: не появился ли кто «жирнее», а главное, с еще бóльшим числом цветных «орденских» лент. И удовлетворенно переводил дух, если таковых не наблюдалось на вершине больничного Олимпа. Лишь дважды или трижды за все время я покидал это поле битвы, терпя поражение, раздавленный жутким видом корешков более заслуженных «чемпионов». По правде говоря, я не уверен, что их гордые владельцы все еще с нами.

После необходимых формальностей я попрощался – то ли с братом, то ли с мамой – и остался с медсестрой, улыбчивой женщиной средних лет, что заведовала приемным покоем. Она набросила на плечи длинный плащ и взяла меня за руку.

– Идем, Юра, – мы вышли из здания, и она повела меня в глубь территории.

Юрой меня называли в честь Юрия Гагарина, поскольку я появился на свет 12 апреля в День космонавтики. Произошло это за тридцать минут до полуночи; мама однажды призналась, что из-за общеизвестного суеверия очень старалась *выпустить* меня до наступления «тринадцатого». В принципе я не возражал, и у нас получилось.

Ведомый за руку женщиной в плаще (мы проходим маленькое неказистое здание с двускатной крышей, покрытой серым, но сейчас почти черным от дождя шифером, где располагалась местная импровизированная школа с единственной классной комнатой, и еще что-то, – но я еще не знаю этого), я скоро различил впереди три стоящих в ряд одноэтажных корпуса.

Прямо за ними начинался сосновый бор, что сизо темнел в кисельно дождевой дымке, навевая ощущение какой-то явно присутствующей, но пока не раскрытой тайны.

Левый корпус, как я узнал вскоре, принадлежал взрослым, в правом располагался лазарет и процедурные кабинеты. Мы подошли к среднему, где находилось детское отделение.

– Ну, вот и пришли, – сказала моя провожатая, открывая дверь.

Так я оказался в санатории «Спутник».

* * *

Мы подросли как нельзя удачнее – к самому началу обеда. Провожатая передала меня из рук в руки главврачу детского отделения и пожелала мне напоследок «не болеть», за что я уж точно никак не мог поручиться.

Врачиха, серьезная дама лет под пятьдесят в бифокальных очках, которые еще больше подчеркивали ее строгий вид, отвела меня в столовую и представила, краснеющего от смущения, остальным детям. Но к моему облегчению никто на меня особо не пялился, как на диковинную зверюшку, скорее даже, почти не обратили внимания. Такие церемонии здесь были не редкостью, – новенькие постоянно сменяли «старожилов».

Столовая оказалась маленькой и по-домашнему уютной, – я невольно сравнил ее с той огромной и шумной, в которой кормился на длинной перемене в школе. Низкие под детский рост столики на четверых, цветы в настенных горшках, приятные запахи из кухни, куда вела чуть приоткрытая дверь.

За столиками собралось около тридцати детей, мальчишки и девчонки – примерно половина на половину, – с которыми мне предстояло провести ближайшие три недели.

Врачиха распорядилась, чтобы накрыли еще на одного, и приняла у меня пакет с вещами; другой, куда мама собрала фрукты и сладости, – переключал на полку широкого буфета, занимавшего половину стены, в компанию к другим (мне показалось, он выглядит среди них тоже как *новенький*). После чего я занял место за одним из обеденных столиков.

Время моего появления перед самым началом трапезы, может, и было в некотором смысле удачным, но я съел лишь полтарелки супа и, не притронувшись ко второму, выпил стакан яблочного компота – о каком аппетите тут речь? Мне до слез хотелось домой. Был понедельник, а до пятницы... подумать страшно.

Когда обед закончился, меня слегка попустило. Оттого что все вокруг жуют и не с кем поговорить, я пребывал в постоянном напряжении.

Мне досталось место в привилегированной палате, откуда утром выписался мальчик – счастливцев, которым я себя уже видел через двадцать дней. О волшебной притягательности слова «выписка» я знал еще по больницам. К счастью, здесь в отличие от больницы хотя бы не требовалось облачаться в пижаму, из-за чего ощущение оторванности от дома становилось еще сильнее.

Эта палата считалась привилегированной, поскольку она была больше остальных, и в ней размещался игровой уголок нашего отделения; днем сюда могли приходить другие дети. В корпусе была еще одна палата для мальчиков, – не прошло пары дней, и я, подобно всем «нашим», начать именовать их не иначе как «фуфлыжниками», таковой уж была здешняя парадигма. И две палаты принадлежали девочкам.

Обед закончился, но мне так и не удалось с кем-нибудь завести разговор, – наступило время, условно именуемое «тихим часом», что на поверку означало *два* часа.

Я лег в свою кровать и притворился, будто уснул. Некоторые ребята постарше читали, остальные улеглись подобно мне. Но я-то ненавидел *спать днем*! И никогда этого не делал, даже в больнице. Однако в тот раз с радостью бы отключился хоть на часок. Но не мог.

Моя кровать стояла самой ближней к двери, на одной стороне, но с дверью ее разделяла вертикальная печка, метра два высотой, топившаяся газом. Я повернулся лицом к печке, отгородившись от посторонних взглядов, и позволил себе беззвучно всплакнуть, думая о маме с братом, нашей с Димой комнате и любимых играх, о том, как снова вернусь в свой класс, когда *вытISHу* отсюда...

Примерно через час мне захотелось в туалет по-маленькому, но я еще даже не успел разведать, где он находится, а спросить у других ребят, постеснялся. Дождался, когда из коридора донеслись чьи-то шаги, и выскочил туда в одних трусах, чем напугал пожилую санитарку. Она привела меня назад и заставила одеться, ожидая рядом, чтобы затем отвести (хотя, думаю, нужную дверь в конце прямого коридора я бы и в семь лет сумел отыскать без Натти Бамбо) в то место, куда нас зовет природа. Натягивая одежду, я заметил на своей подушке мокрое пятно, и мне стало очень стыдно, ведь она тоже могла его увидеть и решить, что я плакса.

Пописав, я вернулся в свою кровать и обнаружил, что отчего-то здорово вспотел, возможно, из-за переживаний – вода из меня прямо так и лилась всеми доступными путями. Поэтому, когда мне снова захотелось немного смочить подушку, я решил, что уже достаточно, и заставил себя перекрыть глазные краны.

В конце концов, ну что здесь такого? – убеждал я себя. Вторая половина времени, отведенного для дневного сна, прошла быстрее, и я даже немного удивился, когда нас подняли.

Первым ко мне подошел парень на вид старше всех, как, впрочем, и было, – рослый даже для своих лет; давно не стриженная, светло-каштановая прямая челка почти скрывала его глаза.

– Как тебя зовут?

– Юра.

Он кивнул.

– Меня Игорь. Ты надолго?

– Три недели, – наш диалог забавно напоминал детскую версию тюремной «прописки»: здешний пахан выясняет у нового заключенного, какой срок тот «мотает». А роль «статьи» должен был, вероятно, исполнить врачебный диагноз. Но об этом он меня не спросил. Зато я успел мысленно порадоваться, сознавая, что впервые могу точно сказать, когда вернусь домой, – в больнице «срок» не редко тянулся и тянулся.

– Ясно, – кивнул парень и отошел, потеряв ко мне интерес. Да и о чем, собственно, было трепаться четырнадцатилетнему подростку с семилетним первоклашкой, когда оба находятся еще за той возрастной межой, за которой даже год разницы идет едва ли не за десять.

Однако я немного приободрился, потому что теперь знал тут хоть кого-то по имени.

Ничто не способно так быстро прояснять вопрос лидерства, как маленькое общественное устройство, и я очень скоро вошел в курс здешнего табеля о рангах. Среди «наших», как, впрочем, и во всем отделении, безраздельно верховодили двое парней: двенадцатилетний Андрей и семиклассник Игорь, который снизошел первым до знакомства со мной. Ступень ниже по иерархии занимали несколько ребят помладше, еще ниже стояли отъявленные трусы и слабаки, ну а уж самое подножье принадлежало нам – мелюзге. К тому же среди восьмерых «наших» младше меня оказался только шестилетний Богдан, который почти все время проводил лежа в кровати с загипсованной ногой.

Это стало первым моим опытом (если, конечно, не считать брата) жизни в коллективе, где не все одинаковы по возрасту и силе. Да-да, и силе тоже – нигде эта разница не становится столь заметна, как в маленьком мирке, где кто-то может в буквальном смысле оказаться раза в два, а то и в три больше тебя. А я был мальком, очутившимся в одном аквариуме с крупной рыбой.

Сразу по окончании «тихого часа» я имел еще одно незабываемое знакомство, когда к нам в палату начали сходить все охочие до игр. С Ноной, так ее звали. Против меня она была

настоящая кобыла, и у нее была своя особенная игра. Вот только игровой уголок ее интересовал в той же степени, что лису заячий помет – в отличие от самих зайцев. Она вроде как пришла перекинуться парой слов со старшими парнями. И тут увидела меня.

– А, так это новенький, – сказала она, с интересом разглядывая меня, хотя я был представлен всем еще за обедом. Я ничего не ответил, только посмотрел на нее. Вид у меня, должно быть, по-прежнему оставался унылым, потому что Нона под села ко мне и обняла за плечо:

– Наверное, еще не привык. Хочешь домой?

Я кивнул.

– Ничего, это скоро пройдет, – улыбнулась Нона. У нее была чертовски обворожительная улыбка, и я почти уже был готов влюбиться, как она вдруг сказала: – Открой рот.

– Зачем? – спросил я, слишком часто имевший дело с врачами, которые просили меня о том же самом, и слишком хорошо усвоивший, что ради лишнего места в комнате об этом не просят.

– Ну открой, – настаивала Нона, продолжая мне все так же мило улыбаться.

Я заметил, как Игорь смотрит на нас с другого конца палаты, и именно выражение его лица заставило меня всерьез наострить уши. Он будто знал заранее, что должно произойти дальше.

Нет уж, избавьте меня от сюрпризов, не такой я простак, – доктора достаточно потрудились, чтобы превратить меня в недоверчивого крысенка, орудуя теми же методами (открой ротик, детка, больно не будет... спусти штанишки только глянуть на твою славную попку... закатай рукавчик), каждый раз пряча за спиной либо здоровенный шприц, либо какую-нибудь блестящую металлическую хрень, наверняка позаимствованную у гестапо, – так что и не ждите, «осторожность» мое второе имя.

Я замотал головой, втянув губы между зубами.

– Это будет интересно, – твердила Нона с той же замечательной улыбкой, которой, видит Бог, даже сейчас мне было не легко противиться, однако в ее светло-карих глазах уже заплескались искорки раздражения из-за моего упрямства. Угу, эти нюансы мы тоже проходили.

– Ты что, *бои-ишься*? Ха!

Игорь по-прежнему наблюдал за нами с тем же выражением. Он знал, какой фокус-покус прячет Нона за спиной, – наверняка он уже не раз видел ее *шприц*.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут в поле зрения неожиданно возник один из «фуфлыжников», примерно одного возраста со мной, как потом выяснилось, поступивший в тот же день, только утром.

– Я... Мне интересно. Я хочу! – маленький недоносок бросился к нам, раскрывая на ходу варежку с таким завидным рвением, что кожа на лице едва не трескалась.

Нона снова коротко глянула на меня, пожимая плечами, и... смачно харкнула любопытному глупцу в рот. С такой силой, будто из духового ружья *фухнула*. Был слышен даже влажный шлепок внутри. На протяжении еще нескольких дней я мог закрыть глаза и видеть, будто в замедленной съемке, снова и снова, как зеленоватая слизь из ее соплей и слюны влетает малому в рот. И этот влажный звук... Ума не приложу, где она так здорово этому научилась.

Я с превеликим трудом удержался, чтобы не блевануть прямо себе под ноги, любопытный малый зашелся в сиреноподобном рёве, одновременных попытках отплеваться и дергающих все его тело рвотных спазмах, а Нона с визгливым хохотом откинулась на мою кровать, как шлюха, коей не терпится, чтобы ее как следует отодрали. Некоторые тоже рассмеялись. Но не все. Я подозреваю, молчали те («наших» среди них не оказалось), кто подобно мухам приклеились раньше на сахарную улыбочку Ноны.

Игорь одобрительно поднял большой палец кверху, глядя на меня.

Когда отведавший соплей малый, продолжая голосить и плевать, выбежал из палаты, Нона поднялась, одергивая юбку и даже не глядя в мою сторону, и тоже направилась к выходу,

словно позабыв, зачем приходила. И тут я совершенно ясно понял, зачем – ну ради меня, конечно, чтобы проделать свой излюбленный трюк с новоприбывшим малолеткой (понятное дело, даже в ее пятнадцать такой фокус с мальчишкой года на три старше меня мог бы ей дорого стоить). Назовите это детской интуицией, но я сразу догадался, что она проделывает его со всеми, с кем может позволить себе такое удовольствие.

– Последний раз, Нона, – сказал Игорь. – У нас это было в последний раз.

Она обернулась в дверях, одарив его шикарной улыбкой (которую сегодня называли бы *на миллион долларов*), только уже вовсе не такой милой, как прежде, и, не сказав ни слова, вышла. Насколько я помню, действительно ничего подобного больше не повторялось, по крайней мере, у нас.

– Чопская давалка! – послал ей вслед кто-то из «наших». Нона приехала из захолустного приграничного городка Чоп, что примерно в трехстах километрах от Львова, где, похоже, созревающим кобылкам, вроде нее, было нечем больше заняться со скуки, кроме как упражняться в мастерском харкании в рот малолеткам.

– Отлично, Юра, так держать, – это уже мне. Я кисло выдавил ответную улыбку, в то же время думая, что стал свидетелем чего-то настолько из ряда вон выходящего, о чем еще долго смогу рассказывать друзьям и знакомым длинными вечерами.

Мне еще только предстояло узнать, что любые выходки Ноны просто бледнели перед тем, на что были способны медсестры нашего маленького санатория «Спутник».

Семь лет – последний бастион наивности.

* * *

Незадолго до ужина мне сильно захотелось конфету. Я пришел в столовую, где на одной из полок буфета остался мой пакет, собранный мамой. Раскрыв его, я достал целлофановый кулек, но моих любимых шоколадных в нем не оказалось, только леденцы (пригоршня «Театральных» и столько же «Мятных»). К тому же, была еще пара «Гулливеров» и с полдюжины трюфелей – они тоже исчезли. Я долго стоял у буфета и недоверчиво разглядывал кулек. Вопрос в том, куда могли подеваться конфеты?

Будь я годом старше, я, безусловно, тут же решил бы, что их у меня стырили (или *свистнули*, – как говорили тогда). И, конечно, оказался бы прав. Ну не на прокат же их у меня взяли! Однако я еще не сталкивался со столь наглым воровством, и поэтому сначала подумал, что мама просто забыла их положить, собирая кулек. Но сразу вспомнил, как сам положил конфеты в него – еще бы забыть! Версия не продержалась и секунды. Новая, пока я в неприятном замешательстве вертел в руках прозрачный кулек, состояла в том, что кто-то, возможно, перепутал пакет и нечаянно взял мои конфеты (точнее, *съел* мои конфеты). Это предположение казалось куда состоятельнее предыдущего, хотя тоже выглядело весьма и весьма маловероятным, но продержалось секунды две – явный прогресс.

В конце концов, я был вынужден с горьким вздохом смириться, что конфеты у меня все-таки кто-то *украл*. И знаете что? Вот уже ровно двадцать два года эта версия успешно сохраняет свои позиции, и, думаю, может легко продержаться еще не меньше.

Только мне и в голову не пришло пожаловаться на неизвестного вора (а если бы и пришло, то я вряд ли так поступил бы из-за нескольких, пускай даже шоколадных, конфет).

Оставшиеся леденцы меня не прельстили и, вернув пакет на прежнее место, я уныло поплелся в палату.

Что ж, впечатлений от первого дня в санатории мне было уже более чем достаточно, но главные, как оказалось, ждали меня еще впереди.

* * *

Войдя в палату, я увидел как Андрей, второй по старшинству после Игоря, и еще один парень, которого, вроде, звали Антоном, и который готовился к *выписке* на следующий день, возятся с чем-то между рядами коек. Мое появление их явно не обрадовало, хотя игровой уголок был полон других детей.

Андрей подошел ко мне и, дружески взяв за плечо, отвел подальше от ряда, как-то уж чересчур живо интересуясь моими делами, понравился ли мне санаторий и так далее, в общем, только укрепил мое подозрение, что то, чем они занимались с завтрашним счастливымчиком, имеет какое-то отношение ко мне. Похоже, ребята готовили какой-то сюрприз.

Не то чтобы это меня сильно беспокоило, но если становится очевидным, что против тебя кто-то что-то замышляет, то и сохранять абсолютное безразличие довольно трудно, так ведь? Поэтому я спросил, что они там делали. Андрей натянуто рассмеялся, поглядывая в сторону все еще чем-то занятого товарища, и сказал: «Ничего интересного».

– Где новенький? – до зуда знакомая еще по больницам интонация, не голос, а именно интонация. Это кто-то явился по мою душу. Я обернулся к двери палаты, зная наперед, какую картину увижу: медсестра, рассеянно перебирающая глазами копошащихся детей – в поисках меня. Угу, так и есть.

Обычно это означало, что либо пора сдавать анализы, либо проходить осмотр у врача. Но для анализов было на сегодня поздно (большинство из них сдают, как правило, с самого утра на голодный желудок, банки, склянки, не бойся, это все равно как комарик укусит, а это как...). Значит, осмотр.

– Он тут! – ответил за меня Андрей, заметно обрадовавшись, и я даже догадывался почему.

– Идем со мной, – сказала медсестра. – Тебя хочет видеть доктор.

Я снова оглянулся в сторону прохода между рядами кроватей и последовал за ней.

Все как всегда. Врачиха, та самая, что встретила меня и представила остальным в столовой, пустила в дело свой холодный стетоскоп, от которого по коже во все стороны разбегаются шустрые мурашки; на столе кабинета раскрытая библия моей болезни; дыши глубже, не дыши, моментами изнутри поднимаются беспричинные смешинки, как пузырьки в бутылке с минералкой, можешь опустить... и снова «открой рот», только на этот раз понятно зачем, скользкий металлический шпатель на языке, солоноватый от стерилизующего раствора... все как всегда.

– Ты у нас проблемный мальчик, – заключила главврач, поглядывая на часы. Ужин начался в восемь, а сейчас была половина, и ее смена скоро заканчивалась. – Я буду вести тебя сама. Завтра сдашь анализы, я посмотрю и назначу курс.

Она пролистала мою историю болезни в самый конец.

– Две недели назад была ангина... за месяц до этого грипп... опять ангина... Знаешь, неудивительно, что у тебя такая карточка.

Можно подумать, тут привыкли иметь дело с одними спортсменами, блиставшими исключительным здоровьем. Смертельно больных здесь тоже, конечно, не было, но ведь никто не станет отрывать детей от нормальных школьных занятий без серьезных причин?

– Я не успела целиком изучить твой талмуд, кажется, это полная энциклопедия детских болезней, но кое-что хочу выяснить сразу. Когда у тебя был последний приступ астмы? Если, конечно, можешь ответить.

Могу ли я ответить?! Похоже, эта очкастая докторша была обо мне непозволительно низкого мнения. Ничего, очень скоро она его переменит.

– В три года, – сказал я. – А потом перерос и больше не повторялось. Еще у меня хронический тонзиллит – я на диспансерном учете. И шумы в сердце после кори в прошлом году, вы ведь, наверное, слышали? А насчет прививок, почему мне их не делали, вы уже в курсе?

Врачиха с улыбкой кивнула.

Если бы она меня попросила, я мог бы с легкостью перечислить все свои диагнозы, пересказать результаты анализов за последний год, названия всех препаратов, которые принимал либо в виде уколов, либо глотал внутрь упаковками, и даже – поспорить, какое именно лечение она мне вскоре назначит с точностью до каждой процедуры, таблетки и укола. Этаким маленький доктор в коротких штанишках и вавкой на коленке, – что вы имеете в виду, коллега? сверим наши анамнезы? Да, кстати, дружище, я настоятельно рекомендовал бы вот эти витаминки, они вкуснее, да и через трубочку плюются отменно. К одиннадцати годам я вообще был бы способен обходиться без докторов, если бы не справка освобождения от школы – маленький заветный клочок бумаги с двумя печатями – и рецепты на некоторые лекарства. Может, я и не тянул на юного педиатра, но уж себя-то знал куда лучше любого врача. Во всяком случае, достаточно, чтобы в шестнадцать поставить себе верный диагноз (острый перитонит) – то, чего не сумели сделать доктора «скорой помощи» (которые приезжали *трижды!* – они считали, у меня *обычное пищевое отравление*), и благодаря чему, несомненно, я не отдал концы в тот же год, когда получил паспорт, а кто-то не отправился в тюрьму повышать квалификацию.

– Хорошо, Юра, можешь идти, а то опоздаешь к ужину, – сказала врачиха.

Я кивнул и направился к двери, действительно будучи не прочь чего-нибудь забросить в желудок.

– Да, вот еще что я хотела у тебя спросить, – окликнула она меня уже на пороге. – Ты хорошо устроился у нас? Старшие ребята не обижают?

Не знаю, искренне ли она интересовалась или поскольку была в курсе, что директриса санатория – ее начальница – знакомая моей мамы. Но почему-то даже тогда мне подумалось, что второе имело гораздо большее значение.

– Все нормально, – ответил я, вспомнив по странной причуде детского мышления в тот момент не о Ноне или о чем-то замышлявших парнях, а об исчезнувших из моего кулька шоколадных конфетах.

И вышел.

* * *

– Мы должны тебя кое о чем предупредить, – сказал Андрей. Я услышал тихий скрип пружин его кровати, когда он приподнялся на локте, глядя на меня сквозь сумрак палаты. Маленькие искорки поблескивали в его глазах, как звезды, отражаемые озерной гладью. – К нам по ночам приходит привидение.

Это происходило вскоре после отбоя, часов около десяти, когда во всех палатах нашего маленького санатория потушили свет (кроме длинного коридора и сестринской), и его немногочисленное население готовилось отойти ко сну.

– Привидение? – переспросил я, мгновенно охваченный смутной тревогой.

– Ну да, – подтвердил Антон, который уже завтра в это время будет засыпать в привычной постели у себя дома, готовиться к возвращению в школу и, может быть, вспоминать о нас, оставшихся здесь, в месте, что теперь принадлежит его прошлому. – Настоящее привидение.

– Точно... мы видели... – подхватило еще несколько голосов.

– Вы его *видели?* – изумился я, невольно съеживаясь под одеялом.

– Черт! Тише, может, оно *уже* здесь, – произнес Андрей громким нервным шепотом. – Иногда оно приходит почти каждую ночь. Оно редко показывается на глаза, но... Мы просто хотим, чтобы ты знал об этом, потому что если ты заметишь что-то... Ты веришь в привидения?

– Нет, – поспешно ответил я, хотя вовсе не поручился бы, что то самое привидение, о котором говорили ребята, и вправду уже не находится *среди* нас, подслушивая этот разговор... например, прямо за печкой рядом с моей кроватью. Или прячась в одном из углов, тонуших в непроглядной темноте.

– Зря, – протянул Антон. – Но мы тебя предупредили.

– Все это... *враки*, – упрямылся я, вслушиваясь в темное пространство вокруг себя. Справа тихо потрескивал огонь в печке, со стороны игрового уголка, проступающего таинственным размытым абрисом, казалось, долетали какие-то таинственные шорохи и едва заметное шевеление среди замысловато громоздящихся теней. Конечно, в палате нас целая куча, но все же...

– Парень, который умер здесь летом в пионерском лагере, тоже думал, что все это враки, – как бы между прочим заметил Андрей. Он лежал через проход у оконной стены ровно напротив меня. Слева от него была кровать Игоря, видимо, задремавшего под наши голоса, а справа – Антона.

– Черт, даже вспоминать не хочется, – произнес тот слегка дрожащим голосом. – Давай не будем на ночь. Тем более ведь он ... он умер прямо здесь.

– От чего? – не сдержался я. – От чего он умер?

– От разрыва сердца, – сказал Игорь. Выходит, он вовсе не спал, а просто не участвовал в разговоре. – Он увидел это привидение и получил разрыв сердца. Вот так... бац!.. и все.

– Сколько ему было лет? – тихо спросил из темноты Тарас, который был на три года старше меня.

– Тринадцать.

– Такой здоровый и так испугался? – изумился Богдан, заерзав под одеялом ногой в гипсе.

– Конечно, – понизив тон до еле слышного шепота, ответил Андрей. – Это же было *настоящее привидение*.

– Даже взрослый мог бы за не фиг обоссаться, – хрюкнул Тарас, но его никто не поддерживал, и затем целую минуту в палате висела тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в печке.

Вдруг ужасная догадка шевельнулась у меня в груди: а не на той ли самой кровати, что досталась мне, умер парень, увидевший привидение? Прямо на *том* месте, где я сейчас лежу? Сама мысль о подобной *возможности* была настолько жуткой, что я ни за что на свете не решился бы задать этот вопрос вслух.

– Оно сегодня обязательно придет, – с мрачной уверенностью произнес Антон. – Может, не станет показываться, но точно придет.

– Почему? – спросил я.

– Да, действительно, с чего ты взял? – поддержал меня десятилетний Хорек. Не помню, как там его обозвали собственные родители, но сомнительно, чтобы я вообще хоть раз слышал его настоящее имя, потому что мы всегда звали его Хорек. И медсестры тоже. Он и впрямь был похож на хорька.

– Потому что оно *всегда* приходит, когда появляется новенький, – сказал Игорь. – Разве ты забыл?

– Ох, бля!.. – испуганно выдохнул Хорек. – Точно, бля, каждый раз.

Сразу несколько голосов подтвердили несомненную правдивость этих слов.

– Тогда хоть бы оно не стало *показываться*, – как заклинание пробормотал кто-то.

– Когда я только сюда приехал... – продолжил было Хорек, но внезапно Андрей цыкнул на него, приподымаясь на кровати.

– Заткнись... Кажется, я что-то слышу.

Мы все онемели, глядя на него в том тягучем напряженном ожидании, когда запросто можно позабыть о необходимости дышать.

– Мать твою!.. – Андрей резко подскочил (готов поспорить, не он один, – судя по дружному скрипу пружин) и спрыгнул с кровати на пол. – Оно уже здесь. Оно задело меня... по руке... – он подбежал ко мне и сел на корточки, опершись локтем о матрас.

– А у тебя тут теплее.

– Ничего не видно... – сказал я, глядя во все глаза на опустевшую кровать. Даже Антон с Игорем, соседствовавшие с Андреем, не выдержав, вылезли из-под своих одеял и медленно пятились назад от его кровати. Честное слово, каким бы странным ни было их поведение, в тот момент мое сердце трепыхалось у самого горла.

Вдруг штора над кроватью Андрея начала дергаться. Все сильнее и сильнее, будто чья-то рука пыталась ее отвести с обратной стороны, но никак не могла ухватиться за край толстыми скользкими пальцами. Именно так, оставаясь вечером один в нашей с Димой комнате, я не раз воображал появление злого и ужасного...

Несколько мгновений спустя штора одним сильным рывком отъехала до половины, открывая темное окно с разводами грязи на стеклах и дорожками стекающих вниз дождевых капель по внешней стороне, тускло мерцающих в сумраке.

– Оно пришло, – вцепился мне в руку Андрей. – Оно уже здесь...

Когда тумбочная дверца распахнулась с глухим стуком, я был почти на грани... Но тут кое-что случилось. Два очевидных, но на время упущенных из внимания обстоятельства со звонким шелчком наконец заняли нужные места в моей голове – наигранный ужас старших ребят и возня между кроватями что-то замышлявших Антона с Андреем, незадолго до того, как медсестра увела меня на осмотр к докторше. Поэтому вместо того, чтобы завопить, я хихикнул...

Андрей рядом со мной как-то вдруг расслабился, отпустил мою руку и медленно поднялся.

– А, черт! Он все-таки видел нитку, – разочарованно отмахнулся Антон, укладываясь вслед за Игорем на свое место, – словно актеры, сходящие со сцены, провалив спектакль. – Говорил же я тогда тебе: останься в дверях.

Андрей задержался у моей кровати, неловко переминаясь с ноги на ногу, и с какой-то удивившей меня надеждой в голосе спросил:

– Ну было хоть *чуть-чуть* страшно?

– Угу, – признался я. – Немного было. Особенно вначале.

Одно из преимуществ иметь Старшего Брата (не на год или два, а по-настоящему старшего) это ни на минуту не усомниться, что прямо под твоей кроватью кишмя кишат полчища всякой жути от зубастого Буки до Черной руки, выползающей придушить кого-нибудь в безлунную ночь; ну а в шкафу, понятное дело, тебя уже давно заждались изголодавшийся мертвец. Став взрослее, я отчаянно жалел, что родился Младшим Братом, и под рукой нет никого подходящего, чтобы напугать до усёру. Господи, как же я страдал!

Так вот. Может, я немного и сдрейфил тем вечером... но все же – это было здорово, еще как! Все равно, что прикоснуться к жутковатой и в то же время восхитительной тайне.

Когда все снова улеглись, Игорь сказал:

– Ладно, проехали, – он посмотрел на Антона. – Ты с нами последнюю ночь. Расскажи эту свою историю про женщину в черном.

– Которая на картине? – уточнил Хорек.

– Да.

Мне очень хотелось послушать эту историю, но, похоже, что все ее уже знали и даже слышали не один раз. И, будто в подтверждение моим мыслям, Хорек стал канючить, что пускай Антон расскажет что-нибудь новенькое.

– Юра еще не слышал, – сказал Игорь. – Он сегодня у нас молодец. Пусть Антон расскажет для него, и мы тоже послушаем.

Никто больше не возразил. А я, исполненный гордости от похвалы и предвкушения чего-то необычного, подтянул одеяло до самого носа и замер в волнительном ожидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.